

К. Кескитало

КОНЦЕПЦИЯ АДАПТИВНОЙ СПОСОБНОСТИ: ОБЗОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ АДАПТИВНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Термины «адаптация» и «адаптивная способность» (или «адаптивные возможности») родились первоначально в экологической науке и прежде всего относятся к понятию пищевых цепей и защищенности от рисков вымирания. Позже они стали применяться во многих дисциплинах, в том числе в работах по менеджменту, изучению организаций, изменению политики. Эти труды редко рассматривались, сравнивались или сопоставлялись с тем, чтобы выявить, чем они могли бы быть полезны для понимания адаптивности. Целью данной работы было свести воедино социологические подходы, которые занимаются вопросами институциональной адаптации и в которых обсуждается их применимость к компонентам адаптивных возможностей. В данной работе будет рассматриваться взаимосвязь между новым негосударственным управлением и адаптивными возможностями существующих институтов в области природных ресурсов.

Ключевые слова: *адаптивные возможности, институциональная адаптация, институциональные изменения, устойчивость социальной системы.*

Key words: *adaptive capacity, institutional adaptation, institutional change, carrying capacity of the social system.*

* Работа была выполнена в рамках программы «Развитие междисциплинарной исследовательской сети по изучению многоакторного, многоуровневого управления лесами в России и Швеции», поддержанной Академией наук Швеции.

Введение

Термины «адаптация» и «адаптивная способность» (или «адаптивные возможности») родились первоначально в экологической науке и прежде всего относятся к понятию пищевых цепей и защищенности от рисков вымирания. В недавних работах, в том числе посвященных вопросам адаптации к изменению климата, было показано, что в более широком социальном смысле адаптация относится к числу институциональных возможностей, в том числе к политической организации и управленческим возможностям. В таком контексте адаптивная способность может быть отнесена и к широкому ряду работ, не затрагивающих темы адаптивности напрямую, но фокусирующихся на возможностях различных единиц приспосабливаться к изменениям или меняться под их воздействием. Литература по менеджменту, изучению организаций и институционализму является составной частью более широкой тематики, рассматривающей институциональные изменения. Однако работы, написанные в этих различных областях и затрагивающие различные стороны адаптивных возможностей, редко сравнивались и сопоставлялись. Целью данной работы было свести воедино социологические подходы, имеющие отношение к институциональным изменениям и обсудить их применимость к институциональным аспектам адаптации. Это обсуждение послужит также основой для оценки того, до какой степени меры «нового негосударственного управления», к примеру, относящиеся к управлению возобновляемыми ресурсами, могут рассматриваться как повышающие адаптивные возможности.

Внимание в обзоре будет уделено: тому, что именно может рассматриваться как институциональные детерминанты адаптивных возможностей (в их отношении к ряду более общих детерминант); путям, по которым могут приходить изменения в системах правил; возможностям и свободам, которые институциональные системы открывают для акторов; возможностям обучения в институциональных системах. Целью данного исследования является определить общие факторы, которые в данных трудах рассматриваются как сдерживающие или способствующие изменениям, служащие задачам адаптации систем или их частей к внешним угрозам или новым возможностям.

Адаптивные возможности в литературе по глобальным изменениям окружающей среды

Оценка уязвимости, имеющая целью определить степень уязвимости и адаптивные возможности системы (Smit et al. 1997), используется рядом различных дисциплин и традиций и в разной степени фокусирует свое

внимание на различных типах уязвимости (от экологической до социальной), различных пространственных уровнях (от локального до глобального) и различных воздействиях (от единичного до множественных). Понятия уязвимости и адаптивных возможностей, среди прочих дисциплин, разрабатывались в теории экологических рисков и исследованиях безопасности пищи и здоровья. В литературе по глобальным экологическим изменениям эти различные подходы были до некоторой степени интегрированы для объяснения уязвимости к изменению климата. Изменение климата представляет собой жизненно важную проблему, так как она воздействует почти на все аспекты окружающей среды и человеческих отношений. Фокус внимания исследователей в этой области все более смещается к общим политическим, экономическим возможностям и способностям человека приспособиться к этим изменениям. Этот фокус на социоэкономических и политических системах можно проследить в общих определениях уязвимости и адаптивных возможностей. В литературе по глобальным экологическим изменениям измеряется как математическая разница чувствительности системы к воздействию окружающей среды и способность системы адаптироваться к этим изменениям. Это определение обращает внимание как на внешнюю сторону уязвимости (подверженность риску) так и на внутреннюю (способность системы справиться с этими изменениями и адаптироваться к ним. Таким образом, термин уязвимость обращает внимание на то, что усиливает или уменьшает воздействие изменений (Rayner, Malone 2001). Термин этот также «подчеркивает степень, до которой риск может быть смягчен или уменьшен адаптивными действиями, которые предпринимаются или могут быть предприняты акторами, подвергшимся риску» (Rayner, Malone 2001).

Понятие адаптивных возможностей, обозначающее способность отвечать на возникающие изменения и предпринимать определенные действия для адаптации в процессе этих изменений, является, таким образом, жизненно важным, так как оно описывает степень способности системы уменьшать свою уязвимость через обучение и применение новых экономических, социальных и политических подходов к сокращению рисков (Brooks 2003). Так как адаптивные возможности касаются широкого спектра стратегий и действий, они, естественно, имеют сходные характеристики с рядом других понятий: Смит и Вондел относят к последним «адаптивность, способность приспособиться к изменениям, стабильность, гибкость, устойчивость к внешним воздействиям» (Smit and Wandel 2006). К примеру, устойчивость к внешним воздействиям определяется как «способность системы к приспособлению или к ответным действиям» (Turner et al. 2003), что перекликается с общим определением адаптивных возможностей (Smit et al. 2006). С другой стороны, Уолкер определяет адаптивную способность как часть понятия устойчивости к внешним воздействиям,

которое определяется более широко, как термин, имеющий отношение не только к способности системы адаптироваться, но также к ее способности поддерживать (воспроизводить) и реорганизовывать себя (Walker et al. 2003). Основная разница между исследованиями об устойчивости к внешним воздействиям и об адаптивных возможностях заключается в том, что они восходят к разным школам: понятие устойчивости к внешним воздействиям развивается экологами и используется в науке о комплексных системах, тогда как понятие адаптивных возможностей пришло из работ, посвященных анализу рисков и бедствий. Вследствие этого устойчивость к внешним воздействиям имеет дело со способностью систем снижать воздействия, чтобы оставаться в устойчивом состоянии, и обращает особое внимание на скорость восстановления после негативных воздействий и на силу стресса, который может быть перенесен до того, как система войдет в новое состояние (Langridge et al. 2006). Устойчивость к внешним воздействиям является результатом медленно меняющихся переменных (таких как долго существующие институты), что способствует стабильности, в то время как более быстрые переменные, такие как индивидуальные предпочтения, обычно не затрагивают устойчивости системы, кроме тех случаев, когда они начинают действовать на разрушение системы, ускоряя ее реорганизацию (Plummer and Armitag 2007). Размышления об устойчивости к внешним воздействиям могут применяться к социальным системам, к примеру к таким системам, которые могут переходить от одного способа организации, например оленеводческое хозяйство, к другому, такому как фермерское хозяйство, в зависимости среди прочего от доступности ресурсов (Plummer and Armitag 2007).

Определение и оценка мер, ограничивающих уязвимость или увеличивающих адаптивные возможности, таким образом, требует анализа и систематизации очень сложных систем и силы необходимого для изменений воздействия, а также определения того, какие действия повышают или снижают адаптивные возможности или устойчивость к внешнему воздействию в этих сложных системах. Уязвимость и адаптивные возможности могут оцениваться на различных уровнях, от локального до международного, и могут вовлекать различные типы индивидуальных или коллективных акторов. Итак, можно сказать, что адаптивные возможности или устойчивость к внешнему воздействию определяются совокупностью различных факторов. Эти общие определяющие элементы адаптивных возможностей часто относятся к факторам общего развития. Некоторые исследователи считают, что совокупность факторов, воздействующих на адаптивные возможности, близка к тем, которые действуют на устойчивое развитие (Smit, Stacey 1997). Так, к примеру, социальная защита и права граждан очень важны, так как они влияют на индивидуальную адаптацию, доступную внутри институциональной среды, но акторы должны уметь использовать

существующие институты, такие, как социальная защита, чтобы установить и расширить свои права на использование ресурсов (пищевых, денежных, природных) (Sen 1982; George 1988). Общие определяющие элементы адаптивных возможностей систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Основные определяющие элементы адаптивных возможностей*

Определяющий элемент	Включает
Человеческий капитал	Знание (научное, техническое, политическое, традиционное, бытовое), уровень образования, здоровья, индивидуальное восприятие риска, труд
Информация и технологии	Коммуникационные сети, свобода слова, передача технологий и технологическая релевантность, обмен информацией, инновационные возможности, системы раннего предупреждения рисков
Материальные ресурсы и инфраструктура	Транспорт, обеспечение водой, энергообеспечение, здания, санитария, управление инфраструктурой, качество окружающей среды
Организационный и социальный капитал	Отношения между государством и гражданским обществом, системы сотрудничества разных уровней, социальная мобилизация, плотность институциональных отношений
Политический капитал	Модели управления, легитимность лидерства, участие, децентрализация, возможности принятия решений и управления, суверенность
Благосостояние и финансовый капитал	Распределение дохода определяющего благосостояние, экономическая маргинализация, доступность и возможности финансовых инструментов (страхование, кредитование), фискальные стимулы управления рисками
Институты и законодательство	Формальное и неформальное управление ресурсами, управление рисками, региональное планирование, участие, распространение информации, технологические инновации, права собственности, механизмы распределения риска

Таким образом, определяющие элементы адаптивных возможностей во многом отражают основные возможности институциональных систем: все типы ключевых элементов могут иметь воздействие в каждом случае, но их значимость может быть разной в каждом конкретном случае (Smit and

* Таблица составлена на основе работ (Eakin, Lemos 2006: 10), которые, в свою очередь, основывались на работах (Smit, Pilifosova 2001; Yohe, Tol 2001).

Wandel 2006). Сложность понятий уязвимость и адаптивные возможности затрудняет их изучение. Даже если направить внимание на оценку и совершенствование существующих международных структур, анализ уязвимости и адаптивных возможностей во многом требует средств для более полной систематизации и теоретического осмысления определяющих элементов адаптивных возможностей (Langridge et al. 2006). В ответ на вопрос, какая концепция может быть использована для систематического описания адаптивных возможностей или устойчивости к внешним воздействиям, исследователь отвечает: «Не существует ни одной теории, которая бы точно объясняла, как организации изменяются, и написанные труды не помогают прийти к выводам или найти необходимое руководство» (Heward et al. 2007: 172). В социологии можно найти массу различных концепций описания и систематизации ключевых элементов адаптивных возможностей. Фокус на социальной уязвимости в рамках существующих теорий институциональных изменений может помочь оценить адаптивные возможности лучше, чем при анализе общих категорий возможностей. Социологические подходы также могут помочь определить институциональные препятствия адаптивным возможностям и оценить потенциал структур сотрудничества в деле социального обучения в конкретных случаях.

Институциональные возможности: управление и взаимодействие

Институциональные, политические и организационные возможности, которые в основном имеют отношение к дискуссиям об управлении и институтах в социологической науке, охватывают большую часть, более общих, ключевых элементов адаптивных возможностей, включающую такие разделы вышеприведенной таблицы, как организационный и социальный капитал, политический капитал. Так, институты могут рассматриваться, с одной стороны, как силы, составляющие и развивающие структуры, принимающие решения, с другой стороны, составляющие саму социальную структуру обществ, что включает, с формальной точки зрения, законодательства и правила в обществах. В институциональной социологии формальные институты рассматриваются как любое правило регулирования, закрепленное в учредительных документах, или внедренное в официальных организациях. Неформальные институты могут быть выражены в виде неписаных норм и правил, которыми мы живем, и которые часто определяют эффективность официальных (формальных) организаций. В области принятия решений наряду с привычным государственным управлением появилось новое понятие негосударственного управления, которое освещает широкое разнообразие механизмов управления. Последнее, включает

бизнес и совокупность различных элементов гражданского общества разных уровней — от международного до локального. Таким образом, сети управления могут состоять из ряда различных разноуровневых институтов, объединившихся для решения какой-то конкретной управленческой задачи. Важность сетей управления в определении значительной части адаптивных возможностей отдельных людей и их групп подчеркивалась в ряде исследований. К примеру, Аренс и Рудольф отмечают важность государственных сетей управления в повышении адаптивных возможностей: «Устойчивый уровень жизни и устойчивость против бедствий могут быть достигнуты, только если управляющие структуры делают возможным применение и усиление государственной политики, ведущей к экономическому и социальному развитию» (Ahrens and Rudolph 2006: 207). Автор данной работы рассматривает негосударственное управление как главный фактор адаптивных возможностей, на который в свою очередь действует процесс глобализации с его международными рынками (Keskitalo 2008). То, по какому пути негосударственное управление развивается на международном и национальном уровнях, может затем установить рамки того, какие возможности бывают доступны на региональном и локальном уровнях. Однако отдельные люди и группы на локальном уровне часто ограничены лишь задачей использования индивидуальных экономических возможностей адаптации в рамках, установленных рынком и законодательными и регуляторными мерами, не используя в полной мере тех возможностей, которые дают нормы и правила международного уровня.

В попытке развить «институциональный анализ» отношений между институтами на разных уровнях (часто фокус при этом направлен на управление, или с функциональной точки зрения, на негосударственное управление), Оран Йанг сосредоточил свое внимание на терминах «соответствие», «масштаб» и «взаимодействие». В более простых словах, «соответствие» относится к соответствию регуляторной системы ресурсам, которыми эта система должна управлять. «Масштаб» относится к требованию, чтобы управление ресурсами соответствовало скорее уровню организации, чем каким-либо «общим» рамкам. «Взаимодействие» относится к вертикальному и горизонтальному взаимодействию между различными институтами, которые могут, к примеру, перекрываться друг другом (Young 2002). В исследованиях, использующих институциональный анализ, показано, что даже если институты складываются для управления природными ресурсами, они содержат нормы и правила, защищающие социальное благосостояние (Young 2002). Кроме того, авторы обращают внимание на сложности комплексной системы управления, где трудно определить ведущий компонент или институт и существуют «...слабо скоординированные действия акторов, неопределенные взаимоотношения» что может привести к тому, что «неформальные институты по-прежнему могут одержать

победу над существующими на бумаге» (Garden et al. 2006: 14). Эта литература, однако, не уделяет специального внимания тому, как институциональная плотность или сила соединения между институтами или организациями может отражаться на адаптации и возможности справляться с изменениями. К примеру, институциональная плотность (количество институтов существующих в области решения конкретного вопроса) в зависимости от координации внутри ситуации взаимодействия может создавать либо конфликт, либо сотрудничество (Kim 2004).

Некоторые работы по менеджменту и экономике, посвященные адаптивным возможностям, фокусируют внимание скорее на организационных (корпоративных) возможностях адаптации к экономическим рыночным изменениям (Oktengil and Greenley 1997), чем на адаптации организаций к требованиям окружающей среды и вопросам институциональной плотности и взаимосвязи между организациями. Эти работы обычно отмечают, что фирмы, которые адаптировались и оптимизировали свою работу для соответствия конкретным рыночным нишам, могут тем самым ограничить свою адаптивную способность во временной перспективе. Они сократили избыточные ресурсы (дефицит), минимизировали излишнюю рабочую силу и максимально увеличили производительность в текущий момент. Такая оптимизация или «логика рынка» может относиться к менее турбулентной рыночной ситуации, и быть типичной для стабильной экономики (Oktengil and Greenley 1997). При этом она может препятствовать многофункциональности и инновациям, которые востребованы при быстро меняющейся ситуации.

Подобные концепции использовались и для понимания переходного периода в Восточной Европе, где, как показывают Грабер и Старк, приватизация и маркизация могли поддерживать адаптивные возможности короткий промежуток времени, но, в конце концов, утеря организационного разнообразия ограничивала адаптивные возможности в долгосрочной перспективе. Слабое взаимовлияние или слабые связи между акторами и организациями были бы предпочтительнее, так как это сделало бы возможным местную адаптацию, основанную на местных условиях, с одновременным сохранением многообразия и организационных мутаций, способствующих инновационным решениям (Grabher and Stark 1997). Исследователи считают, что выбор организационной структуры производства часто является результатом увеличивающегося дисбаланса власти, когда самые сильные акторы имеют тенденцию фокусироваться на своих собственных нуждах в ущерб долгосрочным адаптивным возможностям.

Из анализа вышеописанной литературы следует, что взаимодействие между институтами в контексте негосударственного управления рассматривается как многоуровневое взаимодействие, при котором обеспечивается институциональное разнообразие со слабо развитыми организацион-

ными связями. Также важно, насколько институт специализирован или укоренен в определенной нише, так как слишком сильная специализация может ограничивать его перспективные адаптивные возможности.

Концепции институциональных изменений негосударственных систем управления

При рассмотрении институциональных систем негосударственного управления в контексте изменений, взаимоотношения власти (правовые взаимоотношения) могут играть важную роль в определении направления, в котором происходит адаптация. Авторы отметили, что власть существует во всех социальных системах, пронизывая идеи и дискурсы и, таким образом, формулируя проблемы управления ресурсами независимо от их масштаба (Adger et al. 2005). Учитывая сложность этих систем, можно утверждать, что изменениями в них очень трудно управлять. Хорошо сформировавшиеся системы часто обладают высокой устойчивостью или сопротивлением к изменениям — эта функция может быть хороша для экологических систем, но может мешать социальным системам меняться в ответ на новые вызовы изменяющихся контекстов. Это означает, что устоявшиеся институты могут восприниматься как сами собой разумеющиеся и не подвергаться сомнению самими акторами, действующими внутри них. Однако, так как институты содержат в себе как формальные, так и неформальные нормы, с помощью которых мы придерживаемся определенного поведения, институты, как и негосударственное управление, могут рассматриваться как формирующиеся и изменяющиеся под воздействием поведения акторов внутри структур, которые они создают. В своей основе это является пониманием конструктивистов в социологии. Различные теоретические подходы по-разному расставляют акценты между структурами власти и адаптивными возможностями акторов.

Термин «проторенный путь» часто использовался для демонстрации устойчивости к изменениям в институтах. Это тот «путь», на котором более ранние действия и существовавшие ранее структуры (которые, возможно, родились для решения теперь уже неактуальных проблем) могут продолжать определять или «торить» путь или модели реагирования (Few et al. 2007). Проторенный путь может, с одной стороны, «блокировать» выход с пути неустойчивого развития, если нужны быстрые изменения в ответ на различные проблемы, но, с другой стороны может также позволить избежать слишком внезапных перемен, тем самым, обеспечивая устойчивость системы к внешним изменениям. Степень, до которой проторенный путь является позитивным или негативным (даже при том, что термин этот обычно используется в негативном смысле) зависит от направления пути

и от тех вызовов, с которыми он сталкивается. При определенной комбинации различных изменений создается «критическая ситуация» для слома проторенного пути. «Сильные варианты» проторенного пути обладают ограниченными возможностями для социального обучения, определяемого как изменение, ломающее негативный проторенный путь, и направляющее к более устойчивым решениям. Так происходит потому, что такие варианты проторенного пути признают только изменения, предпринятые в ответ на внешние широкомасштабные потрясения, такие как природные катастрофы (Kang 2006; Doyle and Hogan 2006). Таким образом, при «сильных вариантах» проторенного пути системы потребуют сильных ударов для своего изменения, и, если не случится грандиозных кризисов, широкомасштабной адаптации или изменения в сторону устойчивого развития не произойдет. Примером может служить ситуация с глобальным изменением климата, так как несмотря на то, что сегодняшние более мелкие стихийные бедствия скорее всего являются следствием изменения климата, никаких радикальных мер в обществе пока не предпринимается. Внутри подобной системы могут предприниматься только ограниченные и поверхностные перемены, которые не затрагивают организационную структуру системы.

Другие авторы, однако, считают, что изменения в развитых институциональных системах возможны через последовательные изменения: «институциональные наслоения», когда системы правил рекомбинируются или когда существующие институты трансформируются через изменение институциональной логики (Kang 2006). Часто, по мнению этих авторов, институты следуют «логике уместности», т.е. развивают сходные возможности и пути функционирования в различных сферах, или идут путем институционального изоморфизма (Kang 2006; March and Olsen 1984). Различные научные школы пытаются понять, как именно эти процессы происходят. Если обратиться к подходу конструктивистов, Финемор и Сиккинк, к примеру, обсуждали путь, по которому нормы, как неформальные институты, развиваются «инициаторами норм» («norm entrepreneurs»), действующими внутри различных международных организаций, и могут реализоваться, например, в форме международных конвенций, которые, после ратификации государствами, принимают принудительный характер. В свою очередь, эти нормы затем получают новые вызовы, вновь создаваемые «инициаторами норм», что составляет «жизненный цикл норм» (Finnemore and Sikkink 1998). Развитие экологических и социальных прав как вопросов, решаемых на международной арене, а также вынесенных в область национального законодательного регулирования, может рассматриваться в данном случае как пример вышесказанного. Такие права можно использовать для определения социальных прав, скажем, на землю или другие ресурсы, где новые нормы могут дать права

тем, кто ими раньше не обладал, к примеру коренным народам на традиционное пользование (но в потенциале также переводит уязвимость к нецелевым уязвимым группам, в нашем примере — к местному населению, проживающему в регионах с коренными народами, но не принадлежащему к их числу).

Литература, анализирующая нормы, отводит относительно большую роль индивидуумам, в данном случае инициаторам норм, одновременно фокусируя внимание не только на институциональных, но и на адаптивных возможностях индивидуумов. Другие источники описывают процессы, фокусируя внимание на возможностях индивидуумов менять институты (Feldman and Khademian 2007). «Инициаторы перемен» в различных организациях могут в предчувствии кризиса старых норм действовать в направлении «де-институализации» и «размораживания» закостеневших норм. Такие изменения могут также быть поддержаны более широкими структурными изменениями, к примеру, привнесенными глобализацией (Marcussen and Kaspersen 2007). Для поддержки перемен также могут быть разработаны определенные структуры. Неформальные системы, развивающиеся в стороне от формальных или «тени формальных организаций» могут служить временным пространством для создания новых норм «инициаторами норм» или их посредниками (Smith and Stacey 1997). Подобным же образом, в некоторых случаях, возникает возможность рождения «пограничных организаций» которые бы «перекинули мостик» между существующими организациями для создания связей и обмена знаниями. Эти организации могут со временем разработать свои собственные институализированные организационные структуры и программы, и в меньшей мере играть роль «наведения мостов» (Cash et al. 2006; Keskitalo et al. 2008). В работе о «переходе к адаптивному управлению социально-экологическими системами» Олсон и его сотрудники выделяют три фазы: 1) подготовка к изменениям с помощью распространения знания и построения сетевых связей, что происходит когда инициатор политики берет на себя лидерскую роль для руководства процессом, 2) переход, часто осуществляемый с использованием теневых сетей, развившихся вследствие кризиса, и 3) развитие устойчивости к внешним изменениям в новом контексте (Olsson et al. 2006; cf. Lebel et al. 2006). Реализация такого развития, внутри или вовне существующих организаций, требует, однако, определенного толчка и ресурсов. В литературе посвященной вопросам политики, описываются циклы проблем-решений, в которых проблема идет первой и опыт, связанный с решением этой проблемы становится тем, что «запускает» инновацию (Hall 2006). Это в некоторой степени можно отнести и к литературе о неинституционализме, в которой показано, что изменения в политике могут произойти в тот момент, когда проблемы и решения встречаются в момент открытия

окон политических возможностей, которое происходит в связи с каким-то событием (Kingdon 1984; Barzelay and Gallego 2006).

Общий знаменатель этих работ — предположение о том, что постепенная адаптация может иметь место, так как индивидуальные акторы, взявшие на себя руководство возникшим вопросом, формируют знание, оппозиционное сложившемуся ранее «статусу-кво», и могут сформировать институты, основанные на этом новом понимании. Такое развитие более вероятно, когда поставленная проблема связывается с конкретным решением в момент, когда она кажется срочной (хотя здесь не обязательно требуется наличие большого кризиса, как в случае сильного варианта прототипного пути).

Некоторые авторы, однако, не испытывают особого оптимизма в отношении потенциала подобных изменений. Смит и Стейси отмечают, что, хотя спонтанная самоорганизация в альтернативных системах может поддерживать организационное обновление, такие попытки могут искореняться из-за борьбы за ресурсы внутри организации, или со временем свестись к более формализованным, стабильным состояниям (Smith and Stacey 1997). Далее они заявляют, что «гипотеза состоит в том, что официальные планы и программы изменений и обновления организации обычно не удаются на деле» (Smith and Stacey 1997: 91). В литературе дискутируется, всегда ли изменение норм сопровождается социализацией нормы в более широком слое общества, или оно не является реальным внедрением нормы, а представляет собой поверхностное приятие, которое забывается, как только собственные интересы не совпадут с данной нормой (Marsh and Payne 2007).

В социологии организаций и литературе по менеджменту общепринятой практикой считаются институты, важные для организации, и часто трудно поддающиеся изменениям. Часто изменения здесь могут произойти лишь в результате прямого столкновения организации с проблемой. Но даже в этом случае организации находятся под воздействием интерпретации событий в соответствии с существующими рамками, и любое изменение общепринятых практик здесь нуждается в формальной кодификации и превращении в новые институциональные общепринятые практики. (Berkhout et al. 2006). Для организаций барьеры в обучении могут проявляться в виде защитных организационных общепринятых практик, ограничивающих осознанный подход и придерживающихся принятых норм даже в вопросах преодоления новых препятствий (Garavan 1997).

Подводя итоги, можно сказать, что имеется видимое противоречие между «сильным стремлением к стабильности и централизации, бюрократии и ортодоксальности» и стремлением к «потенциальной нестабильности, проистекающей от децентрализации и индивидуализма» (Smith and Stacey 1997: 84).

Социальный капитал в адаптации и обучении

Мостом между институциональными и индивидуальными адаптивными возможностями является концепция социального обучения. Последнее некоторые исследователи рассматривают как ключевую часть адаптивного управления и фундаментальный путь, идя по которому вся система может адаптироваться к меняющимся условиям (Mostert et al. 2007). Многие из тех, кто поддерживает перспективу социального обучения, задаются вопросом, может ли обучаться система как таковая, или обучение — это нечто, что осуществляется на уровне индивидуумов (Mostert et al. 2007). Другие рассматривают социальное обучение как на коллективном, так и индивидуальном уровнях. Во всех этих случаях, однако, обучение определяется так же, как адаптация: как использующее возможности развития человека и новые подходы и реакции. «Обучение подразумевает кодирование выученных на своем опыте уроков в общепринятые практики организации и ведет к изменениям в организационном поведении — такой процесс часто относят к адаптации» (Berkhout et al. 2006: 137).

Предел, до которого индивидуумы или системы могут адаптироваться и обучаться, обсуждается в научных дискуссиях об акторах и структурах (до какого предела акторы обусловлены структурой и насколько они могут ее изменять). В литературе об организациях и менеджменте обучение часто делится на одноконтурное (обучение первого порядка), которое происходит в рамках предположений организации о ней самой и ее окружении, и более непривычное двухконтурное (обучение второго порядка), при котором организация смотрит шире и обращается к предположениям или фреймам (Garavan 1997). Это сродни тому, что действия на индивидуальном уровне могут пониматься как сотрудничество (т.е. действия, включающие элементы адаптации к новшествам) или обучение (действия, расширяющие и перестраивающие существующие механизмы в ситуациях перемен). К примеру, люди при определенной мотивации могут адаптироваться к ситуации до того предела, который возможен для них как индивидуумов внутри существующих институциональных рамок. Грань между преодолением (coping) возникающих проблем и адаптацией к ним часто не является четкой: хорошо работающие механизмы преодоления явно ограничивают необходимость адаптации (Brooks 2003).

Многие работы по социальному обучению явно или неявно фокусируются на коммуникационных возможностях изменения понимания людьми тех или иных вопросов, что, по существу, и является обучением. Такое видение было впервые высказано германским социологом Хабермасом, который сфокусировал свое внимание на ситуации «идеальной речи» в рациональной коммуникации, где акторы рассматриваются как имеющие свободу обучаться вследствие того, что они отставляют в сторону свои ин-

тересы и зависимость от существующих властных структур в момент переговоров (Habermas 1984). Напротив, Фуко считает, что мы, по существу, зависим от проторенного пути (если пользоваться упоминавшейся выше терминологией) и обусловлены той структурой, в которой существуем, до такой степени, что вовсе не являемся акторами (а являемся «субъектами-позициями») (Foucault 1972). В данном контексте некоторые авторы указывали, что перспективы власти всегда воздействуют на групповые ситуации, и выдвигали такое возражение, что любая ситуация сотрудничества или обучения должна исходить из существующего распределения власти скорее, чем из предполагаемых идеальных условий (Mostert 2007).

Итак, литература по социальному обучению включает противоречивые элементы, в которых эмпирические исследования часто обращают основное внимание на контекстуальные и процессуальные факторы, определяющие обучение в ответ на, скажем, определенную ситуацию с управлением ресурсами. То, насколько управление природными ресурсами может быть усовершенствовано с помощью обучения через такие процессы как «общественное участие, децентрализованное многоакторное управление, комбинарованное управление, со-управление природными ресурсами и совокупным управлением природными ресурсами» (Mostert 2007) зависит от многих факторов. Здесь имеет значение, насколько хорошо указанные процессы интегрируют «фреймы», как различные заинтересованные стороны понимают, что такое ресурсы, при этом играет роль качество управления, и выстраивание доверия через включение в процесс легитимных акторов. Последнее, кстати, может быть затруднительно, особенно в ситуациях, когда присутствует конфликт ценностей (Mostert 2007; Cash et al. 2006; подобные факторы также обсуждаются в контексте обучения в корпорациях: Arpelbaum and Goransson 1997). Предварительные условия (предпосылки) и опыт процессов на индивидуальном уровне также является важным. Остром (2005) отмечает, относительно совокупного управления природными ресурсами, при котором доступ к ресурсам открыт для различных акторов, что пользу от него получают чаще те акторы, для которых означенные ресурсы важны и которые имеют какие-либо совместные обязательства и индивидуальную или коллективную свободу в принятии различного рода соглашений (Ostrom 2005). В то время как социальный капитал может увеличить способность различных групп адаптироваться к стрессам, он может также привести к такому положению, когда какая-либо из заинтересованных групп получает возможность направлять поддержку в большей степени на собственную группу, и в этом случае социальный капитал разрушается и его трудно бывает возродить вновь из-за разрушенного доверия (Sapountzaki 2007; Murphy 2007).

Таким образом, литература по социальному обучению особенно выделяет зависимость адаптации к изменениям от контекста и процесса, когда

такие контекстуальные факторы, как доверие и опыт включения могут играть решающую роль в достижении успеха в процессах.

Проанализированная литература также затрагивает вопросы возможностей адаптивного управления. Сам способ организации управления может привести к более или менее демократическим, предполагающим общественное участие структурам. Характеристики «нового управления» обычно подразумеваются как более неформальные, лишенные обязательности и принуждения, действующие через переговорные процессы и предоставляющие актерам высокую степень свободы в противовес формальному властному управлению (Eberlein and Newman 2006). Примером такого «нового управления» являются негосударственные продвигаемые рынком системы, такие как лесная сертификация, при помощи которой лесную промышленность побуждают следовать определенным экологическим и социальным стандартам для достижения рыночных преимуществ, предоставляемых наличием сертификата. Выполнение этих стандартов контролируется внешним аудитом, а процесс сертификации продвигается экологическими НПО (Bernstein and Cashore 2007). Лесная сертификация отчасти возникла в ответ на неспособность государств разработать лесную конвенцию (Humphreys 2004; Vissereen-Namakers and Glasbergen 2007). Другим вариантом управления является развитие местных способов со-управления, когда различные акторы (государство и бизнес) пытаются создать местную систему принятия решений для укрепления своей легитимности; примером может служить создание международной сети модельных лесов для взаимодействия между различными субъектами лесопользования, включая коренные народы.

Система, в которой механизмы такого «нового управления» становятся более распространенными, может означать большую прозрачность через большее представительство НПО в формальных государственных структурах, принимающих решения, причем в качестве представителей могут выступать как участники гражданских инициатив, так и организации. От репрезентативной демократии происходит переход к более глубокой демократии участия. Бернштейн и Кашор утверждают, что негосударственное продвигаемое рынком управление может сместить приоритеты и переопределить идентичность фирм в сторону большей социальной ответственности, создав то, что они называют потенциалом трансформации (Bernstein and Cashore 2007). Однако о потенциале трансформации «нового негосударственного управления» можно сказать и другое. Давая большие возможности принятия решений актерам частного сектора и гражданского общества, можно прийти также к ограничению легитимности и действительности государственного законодательства вследствие «выхолащивания» государственной правоспособности, к насаждению неприменимых на местах требований или к ожиданию от институциональных структур тех свер-

шений, которые могут быть невозможными в их конкретных случаях. Переход к менее контролируемому негосударственному управлению может привести к увеличению риска того, что организации, занимающие наиболее значимые места в сетях принятия решений, будут иметь наибольшие ресурсы и выступать от имени наиболее сильных структур, и представительство в них будет ограничено, а значит, будет ограничен гражданский контроль и доступ, что может сделать процесс менее прозрачным. Это может привести к «конфликту прозрачности».

Развитие адаптивных возможностей?

В заключение можно констатировать, что литература, проанализированная выше, содержит много различий в подходах, но также имеет некоторые общие элементы в оценке тех возможностей, которые помогают адаптироваться к изменениям в системе. Силами, препятствующими изменениям, в большинстве рассмотренных работ авторы считают устоявшиеся институты и организационную рутину, которые часто описываются как проторенный путь или «логика правомерности» («logic of appropriateness»). Сложное взаимодействие между организациями в системе многоуровневого управления усложняет и управление системами. Это усугубляется тем, что корпорации и организации часто включают рыночную логику и развивают институциональный изоморфизм. При этом особенно трудно управлять изменениями в корпорациях или организациях, хорошо приспособленных к текущей рыночной ситуации (но в меньшей мере решающих экологические вопросы или вопросы приспособления к меняющимся экономическим реалиям). Адаптация к настоящему моменту может, таким образом, ограничивать организационное разнообразие и долговременные адаптационные возможности. Существование взаимодействия между организациями, которое со временем могло бы помочь развитию адаптивных возможностей может также ограничиваться нехваткой ресурсов. В целом сложность систем управления или руководства может также ограничивать возможность воздействия граждан в локальностях на процесс принятия решений, и в потенциале даже сокращать объем адаптивных действий, которые местные группы могли бы предпринять сами (не прибегая к регуляторным или рыночным условиям, определяемым на других уровнях); с другой стороны, местные группы, включенные в многоуровневое управление, могут быть способными оказывать влияние на более широкие системы, тем самым уменьшая свою уязвимость.

Потенциал социального обучения или возможность общих изменений системы во многом зависят от структуры и предварительных условий, существующих внутри систем. Для успешности социального обучения важ-

но, чтобы проблемы и ситуации не только требовали срочного решения, но и совпадали с окнами политических возможностей. Важно также, чтобы процесс координации и взаимодействия акторов нового механизма управления вызывал доверие большинства участвующих сторон и был баланс ресурсов у всех заинтересованных сторон. Отмечается, что изменения с большей вероятностью приживутся не в существующих организациях, а в развивающихся новых, параллельных старым или пограничных организациях, где решающая роль обычно принадлежит инициаторам норм.

Оценить институциональные адаптивные возможности можно, ответив на следующие вопросы:

- Приспособлена ли организация к существующей рыночной ситуации в краткосрочной перспективе или у нее есть более широкие возможности к приспособлению к новым проблемам управления окружающей средой, таким как к проблеме управления ресурсами (долгосрочное наращивание адаптивного потенциала, «приемлемая подготовленность»)?
- Является ли организация устоявшейся, или она выполняет пограничные функции, и каковы организационные взаимосвязи — существуют ли горизонтальные и вертикальные связи с другими организациями, и какова их природа (слабые сетевые они или строгие иерархические). Имеются ли ресурсы для их взаимодействия?
- Кто является стейкхолдерами или акторами, и на каких они уровнях находятся, какие группы являются целевыми, а какие — иницилирующими изменения, каковы средства их включенности (к примеру, таким средством могут быть механизмы построения доверия)?

При определении степени изменения или воздействия на более широкие системы, необходимо учитывать, что изменения в более широких системах требуют институализации, которая происходит в течение долгого периода времени. В ходе институализации создаются модели или образцы, которые в дальнейшем будут распространяться вследствие «организационного изоморфизма», и на этом этапе изменения происходят гораздо быстрее. Следует иметь в виду, что при изменении системы прав на ресурсы уязвимость перераспределяется между различными акторами, циркулирует, но при этом часто преимущество остается за наиболее сильными группами акторов. Сильные бюрократические, политические и исторические системы могут ограничивать обучение и воздействие мер «нового управления», если только изменения не подразумевают выгоды для сильных акторов. Это означает, что характеристики управления или развитие институтов необходимо оценивать в каждом конкретном случае, определяя важные моменты их зависимости от проторенного пути и факторы, воздействующие на управление в контексте локальных, национальных и прочих структур.

Литература

Adger W.N., Brown K., Tomkins E.L. The Political Economy of Cross-Scale Networks in Resource Co-Management // *Ecology and Society*. 2005. 10 (2). P. 9. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art9/>

Ahrens J., Rudolph P.M. The Importance of Governance in Risk Reduction and Disaster Management // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2006. Vol. 14. N 4 (Dec. 2006). P. 207–220.

Appelbaum S.H., Goransson L. Transformational and adaptive learning within the learning organization: a framework for research and application // *Learning Organization*. 1997. Vol. 4. N 3. P. 115–128.

Barzelay M., Gallego R. From «New Institutionalism» to «Institutional Processualism»: Advancing Knowledge about Public Management Policy Change // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2006. Vol. 19. N 4, October. P. 531–557.

Berkhout F., Hertin J., Gann D.M. Learning to adapt: organisational adaptation to climate change impacts // *Climatic Change*. 2006. Vol. 78. P. 135–156.

Bernstein S., Cashore B. Can non-state global governance be legitimate? An analytical framework // *Regulation and Governance*. 2007. Vol. 1. P. 347–371.

Brooks N. Vulnerability, risk and adaptation: A conceptual framework. Tyndall Centre Working Paper N 28, Tyndall Centre for Climate Change Research, Manchester, UK. 2003.

Cash D.W., Adger W.N., Berkes F., Garden P., Lebel L., Olsson P., Pritchard L., Young O. Scale and Cross-Scale Dynamics: Governance and Information in a Multilevel World // *Ecology and Society*. 2006. Vol. 11(2). P. 8. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss2/art8/>

Challinor A., Wheeler T., Garforth C., Craufurd P., Kassam A. Assessing the vulnerability of food crop systems in Africa to climate change // *Climatic Change*. 2007. Vol. 83. P. 381–399.

Cohen M.D., March J.G., Olsen J.P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // *Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. N 1. P. 1–25.

Doyle D., Hogan J. The Importance of Ideas: An A Priori Critical Juncture Framework // Paper presented at the Political Studies Association of Ireland 2006 Annual Conference, University College Cork, 20–22 October 2006. 2007.

Eberlein B., Newman A.L. Escaping the International Governance Dilemma? Incorporated Transgovernmental Networks in the European Union // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2006. Vol. 21. N 1, January. P. 25–52.

Feldman M.S., Khademian A.M. The Role of the Public Manager in Inclusion: Creating Communities of Participation // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2007. Vol. 20. N 2, April. P. 305–324.

Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 52. N 4. P. 887–917.

Few R., Brown K., Tompkins E.L. Climate Change and Coastal Management Decision: Insights from Christchurch Bay, UK // *Coastal Management*. 2007. Vol. 35. N 2. P. 255–270.

Foucault M. *The Archeology of Knowledge*. N.Y.: Pantheon, 1972.

Garavan T. The learning organization: a review and evaluation // *Learning Organization*. 1997. Vol. 4. N. 1. P. 18–29.

Garden P., Lebel L., Visekul F., Badenoch N., Chirangworapat C., Prompanyo M. The consequences of institutional interplay and density on local governance in northern Thailand // USER Working Paper 2006-03. Chiang Mai University, Thailand, 2006.

George S. A Fate Worse Than Debt. Suffolk: Penguin Books, 1988.

Grabher G., Stark D. Organizing Diversity: Evolutionary Theory, Network Analysis and Postsocialism // Regional Studies. 1997. Vol. 31. N 5. P. 533–544.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1–2. London: Heinemann, 1984.

Hall M. New Zealand tourism entrepreneur attitudes and behaviours with respect to climate change adaptation and mitigation // International Journal Innovation and Sustainable Development. 2006. Vol. 1. N 3. P. 229–237.

Heward S., Hutchins C., Keleher H. Organizational change — key to capacity building and effective health promotion // Health Promotion International. 2007. Vol. 22. N 2. P. 170–178.

Humphreys D. Redefining the Issues: NGO Influence on International Forest Negotiations // Global Environmental Politics. 2004. Vol. 4. N 2, May.

Kang N. Analysing ‘System Change’: The Role of Institutional Complementarity in Corporate Governance // International Centre for Corporate Social Responsibility Research Paper. Nottingham: Nottingham University, 2006. N 43.

Keskitalo E.C.H. Climate Change in the Arctic. An Integrative Approach to Vulnerability Assessment. L.: Earthscan, 2008.

Keskitalo E.C.H., Kähkönen P., Ojuva J. Can Arctic governance support regional climate change adaptation? // T. Koivurova, E.C.H. Keskitalo, N. Bankes (eds.). Arctic Climate Change. Springer; Hanover, 2008.

Kim J.A. Regime interplay: the case of biodiversity and climate change // Global Environmental Change. 2004. Vol. 14. P. 315–324.

Kingdon J.W. Agendas, alternatives and public policies. Boston: Little, 1984.

Langridge R., Christian-Smith J., Lohse K.A. Access and Resilience: Analyzing the Construction of Social Resilience to the Threat of Water Scarcity // Ecology and Society. 2006. Vol. 11(2). N 18. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss2/art18/>

Lebel L., Anderies J.M., Campbell B., Folke C., Hatfield-Dodds S., Hughes T.P., Wilson J. Governance and the capacity to manage resilience in regional social-ecological systems // Ecology and Society. 2006. Vol. 11(1). N 19. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art19/>

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Journal of Political Science. 1984. Vol. 78. N. 3, Sept. P. 734–749.

Marsh C., Payne D.P. The Globalization of Human Rights and the Socialization of Human Rights Norms // Brigham Young University Law Review. 2007. N 3. P. 665–688.

Marcussen M., Kaspersen L.B. Globalization and institutional competitiveness // Regulation and Governance. 2007. Vol. 1. P. 183–196.

Mostert E., Pahl-Wostl C., Rees Y., Searle B., Tbara D., Tippett J. Social Learning in European River-Basin Management: Barriers and Fostering Mechanisms from 10 River Basins // Ecology and Society. 2007. Vol. 12(1). N 19 [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art19/>

Murphy B.L. Locating social capital in resilient community-level emergency management // Nat Hazards. 2007. Vol. 41. P. 297–315.

Кескитало К.

Oktemgil M., Greenley G. Consequences of high and low adaptive capability in UK companies // *European Journal of Marketing.* 1997. Vol. 31. N 7. P. 445–466.

Olsson P., Gunderson L.H., Carpenter S.R., Ryan P., Lebel L., Folke C., Holling C.S. Shooting the Rapids: Navigating Transitions to Adaptive Governance of Social-Ecological Systems // *Ecology and Society.* 2006. Vol. 11(1). N 18. [online] URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art18/>

Ostrom E. Understanding institutional diversity. Princetown: Princetown University Press, 2005.

Plummer R., Armitage D. A resilience-based framework for evaluating adaptive co-management: Linking ecology, economics and society in a complex world // *Ecological Economics.* 2007. Vol. 61. P. 62–74.

Rayner S., Malone E. Climate change, poverty, and intragenerational equity: the national level // *International Journal of Global Environmental Issues.* 2001. Vol. 1(2). P. 175–202.

Rycroft R.W., Kash D.E. Self-organizing innovation networks: implications for globalization // *Technovation.* 2004. Vol. 24. P. 187–197.

Sapountzaki K. Social resilience to environmental risks. A mechanism of vulnerability transfer? // *Management of Environmental Quality.* 2007. Vol. 18. N 3. P. 274–297.

Sen A. Poverty and famines. An essay on entitlement and deprivation. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Smith M.Y., Stacey R. Governance and Cooperative Networks: An Adaptive Systems Perspective // *Technological Forecasting and Social Change.* 1997. Vol. 54. P. 79–94.

Smit B., Wandel J. Adaptation, adaptive capacity and vulnerability // *Global Environmental Change.* 2006. Vol. 16. P. 282–292.

Visseren-Hamakers I.J., Glasbergen P. Partnerships in forest governance // *Global Environmental Change.* 2007. Vol. 17. P. 408–419.

Walker B., Elmqvist T., Folke C., Nyström M., Peterson G., Bengtsson J., Norberg J. Response diversity, ecosystem change, and resilience // *Frontiers in Ecology and the Environment.* 2003. Vol. 1. N 9. P. 488–494.

Young O.R. The Institutional Dimensions of Environmental Change: Fit, Interplay, and Scale. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002.

Young O.R. Environmental Governance: The Role of Institutions in Causing and Confronting Environmental Problems // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics.* 2003. Vol. 3. P. 377–393.